Глава 1

Я не люблю стандартные лица, стандартные мысли и стандартных людей. Мне нужна исключительность. Незаурядность — вот тот двигатель, который заставляет меня идти дальше, совершенствуя себя и свой мир, и знаете что — мне это нравится!

Я с детства работала над собой. Танцы, брекеты, спортзал, преподаватель английского. В конце концов, мои родители изрядно постарались, чтобы их единственная дочь выросла королевой, и теперь я входила в любые двери, не замечая косые взгляды и шепотки за спиной. Этот мир принадлежал смелым и целеустремленным, и я определенно собиралась идти в его фарватере. Нет уж, кочки и ухабы не для меня.

Дверь широко распахнулась и глухо ударилась о стену. Преподаватель истории, который в этот момент стоял на кафедре, повернул голову и встретил мое появление в аудитории вопросом:

— Корсак? — Брови у мужчины строго приподнялись. — И почему я не удивлен? Вы снова опоздали! Я уже практически приступил к теме сегодняшней лекции.

Ох. И почему всем типам с ученой степенью так нравится набрасывать на студиозусов ярмо вины?

Я вскинула руку и спокойно взглянула на часы.

— Практически, но ведь не приступили? Точное время по Гринвичу говорит мне, что до начала лекции еще осталось двадцать семь секунд. Этого вполне достаточно, чтобы занять свободное место и достать конспект.

Опустив руку, широко улыбнулась преподавателю.

— Здравствуйте, Василий Юрьевич! Вот видите, я была права. Пусть со второго раза, но вы запомнили мою фамилию!

— Кхм…

— Обещаю впредь быть еще пунктуальнее. Так я могу сесть? Обожаю ваши лекции!

— Садитесь уже, Корсак!

Вот так бы сразу и сказал. А то вздумал при всех отчитывать!

Оставив на лице самоуверенную усмешку, я повернулась лицом к аудитории и огляделась.

Ну, конечно. Все студенты с интересом подняли головы, наблюдая за нашим с историком разговором — кто бы сомневался! Все, за исключением светловолосого, кудрявого парня в очках. Я вонзила в него взгляд, хлопнула дверью и застучала каблуками по старому паркету. Направилась к нему между рядами парт, чувствуя, как на моих идеальных, загорелых бедрах натягивается ткань короткого платья.

Поравнявшись с нужным столом, махнула длинным черным хвостом и села рядом с блондином.

— Привет, Морозко, — сказала воодушевленно, — а вот и я!

Антон Морозов не ответил. Сжал плотнее губы, поправил очки и уткнулся носом в конспект, словно и не к нему обратилась. Зато отозвался долговязый ушлепок из соседнего ряда. Как там его?

— А ты настоящая язва, Агнешка, но это так заводит! Тебе бы в фильмах для взрослых сниматься — в форме майора СС. Я бы посмотрел! — И противненько так засмеялся, засмотревшись на мою грудь: — Ах-ха-ха! Точно бы посмотрел!

Говорю же — ушлепок. Градус юмора — Марианская впадина без надежды на спасение. Пришлось всерьез окрыситься на кривую ухмылку.

— Заткнись, Трущобин, пока завод не сломался! А то ведь я твои косые смотрелки и потушить могу. Без формы майора, одним маникюром!

Маникюр на среднем пальце смотрелся отлично, и я поспешила его продемонстрировать. Парень заткнулся, но я на всякий случай задержала на нем темный взгляд. Про язву — это он верно заметил. Забыл добавить «злопамятная»!

Отвернувшись к кафедре, раскрыла сумочку, достала тетрадь и ручку. Снова посмотрела на Морозова. Нахмурилась, проследив за его взглядом.

Прошел ровно месяц с тех пор, как мы познакомились, и я дала ему срок ко мне привыкнуть. Сегодня этот срок как раз истекал, а Морозов по-прежнему меня не замечал, даже и не думая проявлять симпатию. Больше я с этим мириться не хотела.

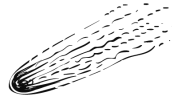
Я вспомнила нашу первую встречу и себя — тогда меня словно молния поразила…

Все было идентично сегодняшнему дню, только дата другая. Но та же аудитория, общая лекция для двух групп, и тот

же Василий Юрьевич, пытающийся утихомирить расшумевшихся студентов…

— Хватит, молодые люди! Попрошу внимания, у нас серьезная тема! Да что вы растрещались, как бесполезная саранча!

Я приходила в эту аудиторию не один месяц, но именно в тот день поссорилась с Тамаркой Абазовой, своей подругой, и пересела на свободное место за последней партой. Если бы я в тот момент знала, что встречу свою судьбу… О нет, я бы не сбежала, как вы подумали. Я бы не потеряла столько времени впустую! А тогда я и внимания не обратила на соседа по парте — длинноволосого кудрявого блондина. Ботаники никогда меня не привлекали, а очкарики и подавно! Но парень неожиданно тихо засмеялся, и я застыла, неожиданно для себя отреагировав на этот смех. Настоящий, что ли. Не похожий ни на какой другой.



Мне вдруг показалось, что он смеется надо мной. Но ведь это невозможно! Никто и никогда не высмеивал Агнию Корсак!

— Эй, ты почему смеешься? — Помню, я повернулась к нему, готовая осадить наглеца. Но оказалось, что он вовсе на меня не смотрел!

Зато ответил, пожав плечами и поправив на носу очки:

— Потому что стыдно историку бросаться подобной аксиомой. Особенно зная, что это насекомое не однажды спасло тысячи жизней от голодной смерти.

— Саранча? — я удивилась, свысока осматривая соседа. — Да ну! Ты же не серьезно?

Он впервые посмотрел на меня, вполне даже серьезно, и я потребовала:

— Как это возможно? Объясни.

— Очень просто. Самый последний массовый случай — когда в Камбоджу пришли красные кхмеры[1] и начался повальный голод, люди жарили и варили саранчу и только так смогли выжить. Так что это насекомое никак нельзя назвать бесполезным. В нем масса полезного белка!

Что?! Фуууууууу!

Видимо, моя пауза с ответом слишком затянулась, а лицо выдало все внутреннее неприятие от услышанного, потому что парень вдруг с подозрением спросил:

— Надеюсь, ты знаешь, кто такие красные кхмеры?

---

[1] **Красные кхмеры** — неофициальное название коммунистического течения аграрного толка в Камбодже.

Я-то? Понятия не имею! Но непременно сегодня же узнаю!

— Конечно! — уверенно фыркнула.

Кажется, блондин не поверил. Ни ответу, ни моим честным глазам. Внезапно нахмурился и отвернулся, как будто только сейчас увидел, кто сидит с ним рядом.

— Ладно. — Отодвинулся подальше, словно я могла его укусить. Повел плечом, отмахиваясь, как от мухи. — Проехали…

Что?! Это он мне?

— Стоять, Кудряшка! Куда это проехали? Раз уж раскусил, давай рассказывай!

Мои пальцы оказались крепко сжаты на его запястье, и парень с надеждой спросил:

— И ты отстанешь?

— Посмотрим, — ушла я от прямого ответа, а про себя подумала: конечно, отстану, что мне еще с таким ботаником делать?

— Хорошо, слушай!

И тут он сделал самое простое, что мог сделать. Кудряшка снял очки и поднял ко мне лицо.

Ничего не должно было случиться необычного, клянусь. Я каждый день равнодушно смотрела на сотни людей — красивых и не очень. Смеялась и легко уходила от них, оставаясь собой. А тут… Парень снял очки, отвел пятерней волосы от лица, поднял взгляд и заговорил.

Тепло-карие, необыкновенные глаза в опушке темных ресниц смотрели на меня. Кудряшка что-то говорил, говорил… А я, как завороженная, прикипела взглядом к мужским губам, чувствуя, как от звука его голоса вибрируют струны в душе́, о существовании которых я до последнего времени и понятия не имела.

Никогда не думала, что со мной может произойти нечто подобное. Что я вот так запросто западу на первого встречного парня. Я, Агния Корсак, которая никогда и никого не любила… вдруг почувствовала ощутимый укол в груди. Сердце ударило о ребра, дыхание сбилось, и огненный разряд прошел сквозь тело стрелой, пронзив неведомым до этого момента чувством.

Проклятый Купидон сегодня выбрал мишенью меня и захохотал, а я, позабыв о красных кхмерах, спросила у парня его имя…

Да, все это случилось со мной ровно месяц назад, но даже спустя тридцать один день моей глубокой любви Антон Морозов отказывался меня замечать.

Я выдохнула злость, как дракон, сквозь ноздри и поймала его взгляд, брошенный в сторону соседнего ряда, где у окна сидела тонкогубая бледная выдра. В просторечье — студентка Элла Клюквина. Ничего особенного, уж поверьте мне! Тонкие косточки, мышиные волосики, дрожащие ресницы и поджатый рот, словно ее вот-вот стошнит. Да таких жеманниц еще поискать! Не понимаю: и что мой Морозов в ней нашел? Лично мне она о-очень сильно не нравилась!

Мириться в его окружении я могла только с одной девчонкой — такой же очкастой ботаншей-вундеркиндом, о гениальности которой судачил весь университет. И то только потому, что мой ботаник сох по бледной выдре.

Я выдохнула воздух сквозь зубы и повторила:

— Привет, Морозко!

Антон не ответил, продолжая смотреть на Клюквину. Та тоже с интересом косилась на блондина поверх плеча. На моего блондина, между прочим!

Ты смотри, гляделки устроили! Ну, я вам покажу!

Недолго думая, я стрельнула в нее темным взглядом, закинула руку на спинку стула Морозова и жарко прижалась к нему бедром.

Его отдернуло от меня как током.

— К-к-корсак! — Очки едва не слетели с носа, зато меня точно заметили. — Т-ты чего?!

Я так улыбнулась, что с ровного ряда зубов сточенная крошка посыпалась.

— Я сказала: «Привет, Морозко!» — промурлыкала хищно. — А я привыкла, чтобы со мной здоровались. М-м? — требовательно изогнула высокую бровь.

Ну вот, наконец-то кивнул. Хотя взгляд еще стеклянный — наверняка застыл янтарем от красоты бледной Клюквы. Ну, ничего, сейчас приведу Ромашку в чувство. Не хватало еще, чтобы какие-то хитрые выдры нашему счастью дорогу переходили. Со мной этот номер не пройдет!

Я подняла руку и помахала ею перед лицом парня — он в этот момент как раз собрался вновь взглянуть на Поганку и вздрогнул, когда я намеренно зацепила его по носу.

— Эй, это я – Агния! И я сижу здесь!

— Корсак, да что с тобой? — изумленно спросил блондин.

Взгляд моментально сфокусировался на мне, а за стеклами очков оторопело хлопнули длинные ресницы — ну вот, другое дело!

— Ничего. Просто когда я злюсь, у меня хромает координация, и всё вокруг жутко раздражает, – честно призналась. — Вот как сейчас! Я все еще жду, Морозов, — напомнила, — но мое терпение не безгранично!

— П-привет.

Какое же это умиротворение — иметь дело с сообразительным человеком! Сразу хочется улыбаться и обнимать весь мир! Не считая Клюквы, которая сидит и уныло на нас таращится. Пришлось и ей средний палец показать — случайно почесав им щеку.

Кажется, поняла. Тонкие губы дрогнули и привычно скисли.

— Ну вот, другое дело, Ромашка. Я тоже рада тебя видеть!

Морозов отвернулся и насупился. Взглянув на преподавателя, записал за историком в конспект тему новой лекции.

— Я о радости ничего не сказал, — тихо, но упрямо пробубнил. — И я тебе не Ромашка, Корсак, и не Кудряшка! Хватит, устал повторять! — неожиданно рыкнул.

Ух ты, какие мы грозные! Я от восторга даже заулыбалась, засмотревшись на светлую волнистую прядь, которую парень, поправив очки, заправил себе за ухо.

«Ну, это мы еще посмотрим, кто ты мне», — не менее упрямо подумала. Сейчас главное, что Морозов забыл о Клюкве и теперь совершенно точно знал, кто с ним сидит.

Меня это полностью устраивало, и я решила отвлечься на учебу. Тем более что Василий Юрьевич продолжал строго поглядывать в мою сторону. Он оказался из тех преподавателей, кто не прощает студентам их самоуверенность. А значит, мне предстоит его удивить и свою самоуверенность оправдать.

Я никому не привыкла проигрывать даже в мелочах, поэтому стала внимательно слушать историка и записывать за ним важные тезисы лекции в конспект. В процессе так заслушалась рассказом о внешней политике Византии, что и не заметила, как засмотрелась на ладонь блондина — по-мужски широкую, но аккуратную, с крепким запястьем, сжавшую в длинных пальцах ручку.

— Морозов, тебе говорили, что у тебя руки красивые? — клянусь, это не я сказала, а чувство прекрасного во мне, но я была полностью с ним солидарна.

— Что? — парень поднял голову и рассеянно мазнул по мне взглядом. Снова отвернулся. — Нет, не говорили.

— Значит, я буду первой. Они у тебя красивые, и сам ты симпатичный. Очень!

Я произнесла это шепотом, наклонившись к щеке Морозко, и он покраснел. Сжал пальцы в кулак, пряча руку от моего взгляда. Черт, ну нельзя же быть таким трогательным. Так и захотелось его куснуть за щеку! Похоже, я здорово соскучилась по нему за прошедшие выходные.

— Отстань, Корсак, — нахмурившись, прошипел. Уж он-то по мне точно не скучал. — Брось свои шуточки! Я тебе уже сказал, что на меня они не действуют!

Но я ответила таким же шепотом:

— И не подумаю. Ты мне нравишься, Кудряшка! — Придвинувшись ближе, чтобы нас не слышали, спросила: — А я тебе? Неужели совсем нет? Вот вообще ни капли?!

Так получилось, что я коснулась его грудью, и он тут же отдернул локоть. Возмутился тихо, но очень решительно. Даже желваки на скулах натянулись — ух ты, какой симпатяга!

— Нет, не нравишься. Вообще! И если ты не прекратишь себя так вести, я просто встану и уйду! Ты мне мешаешь заниматься, и я не собираюсь это терпеть. Я не понимаю, зачем ты вообще ко мне садишься? Ты что, не можешь себе другое место найти?

В лекционной аудитории хватало места для всех, и намек прозвучал более чем прозрачно. Но я не привыкла находиться в зоне игнора, так что Морозову предстояло это принять. Однако отодвинулась подальше, позволив парню дышать. Пусть думает, что у него есть выбор — пока.

— Почему? Могу, конечно. Но не хочу! — вскинув подбородок, взглянула на доску. — Так случилось, что ты меня вдохновляешь.

— На что это? — Морозов повернул лицо, и светло-карие глаза за стеклами очков удивленно округлились. — На учебу?

Я вздохнула и вернулась к конспекту, поспешив записать за историком очередной тезис.

Да уж, когда дело касается обольщения, логика у моего неискушенного ботаника тут же хромает. Пришлось скривить губы в ухмылке.

— Ну, конечно же, на учебу, Морозко! На что же еще?

Мне показалось, или он облегченно выдохнул, тоже пустив в дело ручку? Зашуршал стержнем, оставляя на бумаге красивый ряд букв.

— А возможно, и на что-то большее, — задумчиво добавила. — Например, на серьезные чувства. Как тебе такой вариант?

Такой вариант ему точно не понравился, и он изумленно сглотнул. Отморгавшись, поправил очки.

— Продолжаешь ерничать, Корсак? Снова принялась за свое? И что тебе от меня нужно, не пойму. Чего пристала?!

Ого, снова рычание! А характер-то у моего Кудряшки имеется, и еще какой! Отлично, не люблю слюнтяев. Однако я тоже не подарок, и лучше бы Морозко об этом знать. Когда надо, могу и словом неласковым приложить.

Вмиг позабыв о лекции, скрестила с блондином карие взгляды и честно предупредила:

— Морозов, осторожнее. Я тебе не кусок скотча, чтобы пристать, и не липкий пластырь. Выбирай выражения и лучше тормози с претензиями, а то ведь я и обидеться могу. Да в этой аудитории любому за счастье со мной сидеть! Но почему-то не тебе!

Сказала это сердито, ожидая увидеть на лице Морозова растерянность, а он вдруг неожиданно улыбнулся. Не по-доброму, с досадой, но я все равно засмотрелась на складочки в уголках губ. Ответил мне, словно обращаясь к ребенку, не способному в песочнице разглядеть очевидное:

— Так, может, потому, что я не любой, Корсак? Это же просто! Если за счастье, то иди и осчастливь кого-то другого. А меня оставь в покое!

На душе вдруг стало грустно — оттого, что он сказал искренне. Вот только мое счастье смотрело на меня самыми теплыми глазами на свете, и я не собиралась от него отказываться. Ей-богу, если бы могла, собственноручно придушила бы Купидончика, сыгравшего со мной злую шутку, а так и претензии предъявить некому.

— Я бы с радостью, Кудряшка, — вздохнула, — но не могу.

— Это еще почему? — Ну вот, улыбка пропала. Насторожился, ожидая от меня подвоха. Зря, врать я никогда не умела. Точнее, не считала нужным.

— Потому что ты мне нравишься, Морозов. Так сильно, что я решила быть твоей девушкой. И лучше сразу смирись! — наставила на опешившего парня палец. — Все равно у нас с тобой другого выхода нет. Будешь любить меня, как миленький! — пообещала. — А теперь можешь сказать, как ты этому рад и что тебе повезло. Думаю, мне это понравится.

Я подняла бровь, откинулась назад и развернулась к нему лицом, позволяя себя рассмотреть. Усмехнулась тонко, предчувствуя взрыв возмущения, и не ошиблась.

— Что-о?! — Щеки блондина побледнели, а потом вспыхнули ярче прежнего. Губы сердито дрогнули, раскрылись и, думаю, если бы звонок об окончании пары прозвенел позже, а не в эту самую секунду, Морозко все равно бы ушел — так резко поднялся над столом. — Издеваешься?!

— Нет. Ничуть!

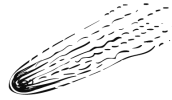
— Ну, знаешь, Корсак… Ты не девушка, ты — настоящий Дементор! Не вижу причины для радости. Да тебя видишь — и бежать хочется! И не мечтай! Я не собираюсь тебя развлекать, найди себе другого шута! А в моей жизни и без тебя проблем хватает!

Морозко легко задвинул меня вместе со стулом за парту и прошел мимо, закинув рюкзак на плечо, — мои челюсти тонко клацнули. Не обернувшись, распахнул дверь и вышел из аудитории, удивив историка.

Заподозрив неладное, Василий Юрьевич нашел меня взглядом и грозно нахмурился, но мне было все равно. Я смотрела, как тихо посмеивается Клюква, и чувствовала, что мстительно поджимаю рот.

POV Антон

Я вышел из аудитории и с силой хлопнул дверью о стену. Зашагал по коридору, уже не пытаясь справиться со злостью, что кипела внутри. Сейчас ее во мне бушевал океан, и я бы с радостью этот океан на кого-нибудь выплеснул, если бы не имел привычки сдерживать эмоции в себе. Но как же хотелось, чтобы волна цунами, толкающаяся в грудь, прорвалась сквозь заслоны и смыла с пути одну черноглазую ведьму, вздумавшую развлечься за мой счет!



Чертова Корсак! И откуда только взялась! Я терпел эту занозу и ее выходки целый месяц. Старался не замечать, игнорировать дурацкие насмешки в надежде, что ей надоест, но сегодня она перешла все границы.

Ромашка? Кудряшка? За кого она меня принимает — за бесхребетного слабака? Или за глупого идиота? Моя девушка — как же! Да всем, кто нас знает, такое и во сне не приснится! Так стебаться можно только на спор или из желания самоутвердиться за счет глупого троллинга. Но зачем ей последнее, когда таким, как она, и так принадлежит весь мир, без нужды кому-то и что-то доказывать? Вот разве что себе, и то от скуки. Только я точно не предмет доказательства и не собираюсь вестись на улыбку заразы. Бегать за ней посмешищем и развлекать? Не дождется! Пусть ищет

другого дурака! Тем более что желающих угодить Корсак вокруг предостаточно.

Сначала оказалось, что у меня голос особенный, теперь руки красивые… Еще бы про глаза пропела — птица-соловей! Сразу видно, что не долго думала. Чего она ждала, что я куплюсь?

«… А ты прикольный, ботаник! Как, ты сказал, тебя зовут?

— Антон, но я тебе не говорил.

— Это не важно, я запомню. А меня Агния.

— Но я не спрашивал.

— А я и не отвечаю, Антон. Я ставлю тебя в известность. А теперь, когда мы знакомы, осталось договориться.

— О чем?

— О том, Кудряшка, что на истории мы теперь будем сидеть вместе. Начнем с малого, пока лучше не узнаем друг друга, а дальше будет видно. Как ты на это смотришь?»

Я смотрел изумленно и растерянно на безупречную, самоуверенную улыбку очень красивой девушки, знающей себе цену, вдруг вздумавшей странно пошутить с незнакомым парнем. А уже через секунду — хмуро и пристально на чувственные, полные губы с темно-розовым блеском, которые впору было увидеть не в полуметре от себя, а на глянцевой обложке мужского журнала.

Сказал совершенно четко и ясно, чтобы не оставить сомнений: «Я против!», но разве Корсак это остановило?

Прикольный бота́н — вот я кто для нее. Сосед по парте, желания которого можно не принимать во внимание. К тому же, как выяснилось, слова «нет» Агния не понимает. Уже вся группа потешается над тем, как черноглазая заноза, которой вслед оборачивается половина университета (а другая половина старательно обходит стороной), не дает мне прохода. К ней даже преподаватели обращаются на «вы» и по имени, за редким исключением. Да я и сам весь прошлый год засматривался издалека на стройную брюнетку с походкой королевы, заговорить с которой казалось за гранью возможного, а теперь…

А теперь вдруг ей понравился? Реально?!

Нет, я, конечно, уважаю фантастику и верю в физику невозможного, но предпочитаю не смешивать эксперименты и теории с личной жизнью.

И как меня угораздило очутиться с Корсак за одним учебным столом? Жизнь словно разделилась на «до» и «после». Сначала думал, что ей всё скоро надоест. Ну, в самом-то деле,

не избегать же мне ее намеренно?.. Не надоело. А вот мне — уже по горло!

Идеальная девушка. Такой бы в кино сниматься, как ее знаменитый отец. В университете никто не знает наверняка, но многие догадываются, чья она дочь. Не у каждого студента есть личная «Ауди» и звезда «избранной» во лбу. И что она в нашем вузе забыла, не пойму? Да еще на специальности «Инженерное программирование»? Училась бы себе за границей, как раньше, — так зачем вернулась?

К черту! Не хочу об этом знать! И думать о ней — не хочу! Если бы в моей жизни было время для девушки, ею бы точно стала не она. Не такая, как Агния — огненная и неспокойная особа, от которой не знаешь, чего ожидать. А человек гораздо тише и спокойнее. Уютнее.

Возможно, как Элла…

Я влился в поток студентов и спустился по лестнице. Оказавшись на втором этаже, остановился и выдохнул, понимая, что идти на английский нет никакого желания. Пропускать пары было не в моих правилах, но тему я знал, а настроение сидеть и тупить — напрочь пропало. Осталось стойкое желание обо всем забыть и просто выспаться. Давно пора! Слишком насыщенной на цели и обязанности последнее время стала моя жизнь.

— Морозов? Антон, подожди-ка!

Преподаватель физики и термодинамики, женщина старше средних лет, показалась из-за угла коридора и поравнялась со мной. Отозвав в сторону, остановилась у окна.

— Здравствуйте, София Витальевна.

— Здравствуй, Антон. Скажи, ты не видел сегодня Катю Уфимцеву? — спросила с присущей ей строгостью во взгляде. — Я ее ищу, но в аудиториях Кати нигде не видно. Она мне нужна.

— Нет. А что случилось? Что-то серьезное?

Девушка была моим другом, и в душе неприятно всколыхнулось волнение. Завтра Кате предстояло читать доклад по квантовой физике перед всем факультетом, мы не раз с ней этот доклад обсуждали, и я знал, что она очень переживала, как все пройдет.

Катя Уфимцева совершенно обоснованно слыла в нашем университете уникумом и вундеркиндом. Окончив школу в шестнадцать лет, за два года обучения на физико-математическом факультете эта худенькая, но упрямая девушка умудрилась одолеть программу четырех сложных курсов и сейчас

в свои неполные девятнадцать готовилась к поступлению в магистратуру. Она с легкостью выигрывала местные универсиады и собиралась защищать честь университета на международной олимпиаде физиков в Мюнхене. Мы познакомились с ней еще во время учебы в старших классах школы, вместе участвуя в олимпиадах по точным наукам. Однажды я увидел тощую девчонку в больших очках, заговорил с ней и понял, что никого умнее не встречал. Так и началась наша дружба.

— Ничего серьезного, Антон, — успокоила София Витальевна. — Обычные учебные моменты. Завтра на факультете день докладов по физике, будут присутствовать журналисты и совет университета. Сергей Михайлович хотел еще раз собрать в деканате всех участников, чтобы уточнить очередность выступления. Не знаешь, где бы она могла быть?

Конечно, знал! Я уже достал из кармана сотовый, собираясь звонить Уфимцевой, но вовремя опомнился. Ответить на вопрос оказалось не сложно, а вот отвлекать подругу не хотелось. Я, как никто другой, понимал, как важен в период работы момент концентрации. Об этом мог бы догадаться и наш декан Крокотуха, вместо того, чтобы лишний раз беспокоить студентов перед их ответственным днем.

— Вы же знаете Катю, София Витальевна. Она пока не будет уверена в успехе на сто процентов, пока своего не добьется — перестает существовать для мира. — Я улыбнулся. — Наверняка Уфимцева сейчас в библиотеке с ноутбуком — строит квантовые теории и обдумывает доказательства, чтобы завтра удивить нас всех. Я и сам люблю это тихое место. Если надо, я, конечно, схожу и позову ее, но не думаю, что для нее так уж важна очередность.

Я понадеялся на отклик понимания в глазах женщины и не ошибся. София Витальевна вздохнула и, прежде чем уйти, похлопала меня по плечу.

— Думаю, ты прав, Антон. Ладно, мы сами с Сергеем Михайловичем решим этот вопрос. Кстати, как обстоят дела с твоим проектом и поездкой? — спросила с интересом. — Уже выбрал тему?

В прошлом году моим самостоятельным проектом по астрофизике заинтересовался один крупный научный университет. Ни на что особо не надеясь, я отослал работу для участия в международном конкурсе и неожиданно оказался в лидерах. Моя теория пришлась по душе канадским физикам, и этим летом один из университетов Торонто пригласил меня посетить их с исследовательским визитом, а заодно представить

на суд коллег еще один проект — по любой интересующей меня теме. Вот об этом и спрашивала преподаватель.

— Почти. У меня есть идеи, но нужна информация. Сейчас я собираю материал и готовлюсь к работе. Впереди четыре месяца, так что надеюсь все успеть.

Женщина довольно кивнула.

— Это хорошо. Но если будет нужна помощь, Антон, — обращайся. Ты всегда знаешь, где меня найти.

— Да, спасибо, София Витальевна. Знаю.

Я развернулся и ушел, не найдя смелости признаться преподавателю, что скорее всего ни в какую Канаду не поеду. Даже сделав проект.

Здесь мои надежды могли обрушиться в одночасье. Если с фантазией и идеями у меня никогда проблем не было, то со средствами проблема существовала. Все еще непреодолимая, как бы я ни пытался «взбить масло» и заработать деньги своими силами.

Зря я все это затеял — игру с зарубежными университетами и собственным «я». В отношении последнего я был ничуть не лучше Корсак — надо это признать. Мной тоже двигало желание самоутвердиться и достичь цели любой ценой. Но кроме этого я хотел доказать себе, что способен прожить свою жизнь не зря и сделать этот мир для кого-то лучше и интереснее. Возможно, правдивее. Вот только дорогостоящую поездку в Торонто, не говоря уже о проживании в чужой стране, моя семья себе позволить не могла, какая бы благородная цель мною ни двигала.

Я это понимал, однако мириться не хотел.

У меня все еще оставалось время, прежде чем принять решение от всего отказаться.

Думая об этом, я прошел мимо аудитории, в которой должна была пройти следующая пара по английскому, и заспешил к выходу. Но ушел из университета не сразу. Лишь после того, как заглянул в библиотеку и убедился, что с Уфимцевой все в порядке.

Глава 2

— Оля! Эй, Ольга! Выгляни в зал, там твой сын пришел! Можешь сразу и товар в отделе разложить — как раз Антон и поможет! А то я пока полки банками с грибами и ананасами заставила, чуть коньки не откинула. Думала уже, что не разогнусь!

Я закинул рюкзак на плечо и сунул руку в карман джинсов, остановившись у входа в подсобное помещение крупного супермаркета, в котором работала мама. Иногда она сидела на кассе, а иногда выходила в зал — вот как собиралась сейчас. У меня давно вошло в привычку заходить к ней за продуктами в ее рабочие смены.

— Тетя Таня, скажите маме, пусть не спешит! Я подожду.

Стоявшая у входа высокая и полная женщина рассмеялась.

— Ох, Антошка. Да какая ж я тебе тетя? Мне же тридцать семь всего! Хорошо, что никто не слышит! Ты меня лучше просто Татьяной называй, я так себя моложе чувствую. Ты же в курсе, красавчик, что сердце не стареет? — Женщина подмигнула и поправила рукой форменную шапочку с логотипом магазина, которая кокетливо сидела на ее взбитой макушке. — Особенно женское. Вот как увижу симпатичного парня, так и начинает стучать! Едва не выпрыгивает, прямо как сейчас!

Я улыбнулся и пожал плечами. Однажды я вырос, но все еще не мог привыкнуть к шуткам маминой подруги.

— Ну, разве что теоретически, — предположил.

— В курсе он. Еще как в курсе!

Из подсобки показалась мама и выкатила следом затаренную товаром тележку. Поравнявшись со мной, чмокнула в щеку и привычно оглядела сына на целостность и сохранность.

— Привет, Тошка. Уже освободился? Что-то ты рано сегодня, — довольно заметила.

— Привет, мам. Так получилось.